

Союз
писателей
Москвы

Библиотечка
ПОЭЗИИ

Выпуск № 11

Эдуард
Грачёв

Монолог

Москва 2012

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ МОСКВЫ

Библиотечка поэзии

ЭДУАРД ГРАЧЁВ

МОНОЛОГ

Стихи

Москва

2012

Библиотечка поэзии
Союза писателей Москвы

Главный редактор
Людмила Осокина

Редколлегия

Елена Исаева
Алексей Караковский
Кирилл Ковальджи
Нина Краснова
Татьяна Кузовлева
Елена Лапшина
Галина Нерпина
Александр Тимофеевский

Грачёв Э.

Г 52 **Монолог:** Стихи. – М.: Союз писателей
Москвы, 2012. – 32 с. (Библиотечка поэзии СПМ).

Эдуард Грачёв – московский поэт, переводчик эссеист. Начал писать ещё в семидесятые годы. Однако первая публикация пришлась на девяностый год, когда в журнале «Юность» вышла большая подборка его стихов. В 2000 году в издательстве «Интервесы» выходит первая полноценная книга «Время отпусков».

Новая книга Эдуарда Грачёва «Монолог» – это ощущение единства пространства и жизни земной. В ней присутствует затаённая тревога за судьбы живущих. Поэт исследует соотношение повседневности и вечности.

ISBN 978-5-255-01677-61

© Э. Грачёв, 2012
© Л.М. Влодова, дизайн, 2012
© СПМ, 2012

О НАШЕЙ БИБЛИОТЕЧКЕ

“Что делать нам с бессмертными стихами?” – воскликнул Гумилёв по совершенно другому поводу, но сегодня это звучит – увы! – слишком конкретно. Как быть поэзии в жестоких условиях рынка, как ей быть в попсовом телевизионном пространстве, в бездонном, слишком доступном для графоманов Интернете?

Это факт: поэзия с каждым годом богаче, а читателей всё меньше.

Вот мы и решили внести свой, пусть небольшой вклад в дело преодоления такой болевой ситуации. Стали выпускать недорогие книжечки избранных стихотворений современных поэтов – членов Союза писателей Москвы. Эти книжечки – своеобразные визитные карточки для представления авторов-профессионалов широкому кругу читателей.

К сожалению, массовый читатель знаком только с немногими ключевыми фигурами современной поэзии. Однако есть много поэтов, заслуживающих внимания, но не удостоившихся по разным причинам известности. Их знают, в основном, только профессионалы, коллеги по литературному цеху. Но так хотелось бы, чтобы эти имена стали известны читателям.

Поэтому для тех, кто заинтересуется тем или иным автором, мы даем не только стихи, но и краткую биографию и библиографию наших авторов.

Идея библиотечки давно носилась в воздухе. Но Союз писателей Москвы смог приступить к ее осуществлению только сейчас.

Будем надеяться, что помощников и спонсоров библиотечки со временем станет больше, тогда и периодичность издания, и тиражи возрастут. А уж за поэтами дело не станет!

Редколлегия

Предисловие Кирилла Ковальджи

*«Тебе с небес слетит строка,
И ты в ее узнаешь свете,
Как сходят рифмы с потолка
В садов рассеянные сети...»*

Сразу повеяло поэзией. И хочется читать дальше, не останавливаясь, даже – не вдумываясь. Это Эдуард Грачёв. Его стихотворения производят своеобразное, я бы сказал – уникальное впечатление. Десятки стихотворений как цельное произведение, настолько цельное, что не нуждается в композиции, его можно читать с начала, с конца, с середины... Да и открывая книгу наугад, неизменно попадаешь в единое русло поэтического настроения, подключаешься к особому чувству природы, симфоническому, овеванному меланхолией. Слово кажется устаревшим, несовременным, но тут оно воскресает, оно уместно, потому что томление согрето любовью к тому, что мы горожане, почти забыли. Это мир, в котором

*«Я стану жить на белом свете
И слушать цвет, пока смогу...»*

В этом мире преимущественно осень, сад, рассвет или сумерки, милые отзвуки позднего Фета и раннего Пастернака, кружение вокруг щемящей сладкой боли увядания. Это – гулкая пустота, образ, часто повторяющийся в ряде стихотворений. И это неслучайно: автор причастен к миру физиков, он прекрасно знает, что вакуум притворяется пустотой, на самом деле, он – источник энергетических флуктуаций, проще говоря, тайн!

*«Пустота собирает плоды.
С неба иней на поле прислали,
Мне об этом писали сады,
И записку вчера передали.»*

Кажется совершенно невероятным, каким образом поэт смог сохранить в себе такое свободное, независимое, чуть ли не первозданное чувство природы, сохранить его в гроыхающем современном мире, раздираемом противоречиями, перегруженном информацией, чреватом гибелью.

Откройте книжку наугад, и это всегда будет началом утешительной мелодии.

*«Мы станем с лебедями плавать
И неизвестное любить...»*

Стихи этой небольшой книжки неизменно и ровно дышат поэзией, поражая разнообразием однообразия, неисчерпаемостью вариаций, свежестью и упоением, – тем, что давно забыто холодными сапожниками современного стихотворства.

Эта книга замкнута на себя и открыта для всех, это круг, мелодия non-stop.

БИБЛИОГРАФИЯ:

КНИГИ

«ВСЕ НАРОДЫ ЕДИНЫ». Переводы с крымско-татарского. Москва, «Советский писатель» 1990 г.

«ВРЕМЯ ОТПУСКОВ». Сборник стихов. «Интервесы» Москва 2000г.

«НЕБЕСНЫЙ БЕРЕГ». Сборник стихов. «Нонпарел», Москва, 2010

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Журнал «Юность» №5 1990 г.

Альманах «Третье дыхание» №№ 12-22 Москва «Интервесы» стихи

Альманах «Эолова арфа» В 4-х номерах – эссе, стихи 2009 – 2011 Москва

Альманах «Муза творчества», Москва 2010 г эссе, стихи

Альманах «Литературные знакомцы», 2010 эссе, стихи

Союз писателей Москвы

Октябрь свои жёлтые крылья расправил,
Над медною ниткой прибрежных раки.
И что там терзаться, и что там лукавить
Мгновенье минует, и он улетит.

Он сгинет в края за отёчную воду
До самого дальнего неба дойдя.
И будет разрушен глаголом и сводом,
И былью ненастной в объятых дождя.

Не вспомним его, искупаемся в лени.
На даче уснём, что подальше моста.
Проснувшись внезапно от всплеска растений,
От шороха ночи и блеска листа.

Когда вдруг проявятся новые тени,
Чтоб выстроить зиму, и вырастить звук.
И станут в печурке, дымится поленья,
И кто-то читать про ушедшее, вслух...

Читать и думать нынче лень.
Сентябрь касается сирени
И увлекает в вечность тень.
И прежний день скрывает в тени.

Одни колючки серых грив,
И оловянных туч отростки.
И ветер в поле отпустив,
Гуляет небо над покосом.

Как-будто объявили сдвиг,
И пустоту вложили в руки,

Построив гулкий хлад интриг,
И взяв былое на поруки.

Когда ни праха, ни семьи
И жёлтый блеск в сошедшем свете.
И на аллеях снегири
Из слога летнего и меди...

Зима, как призрак в мелодраме...
Со стужей, превращённой в лёд.
Ты помнишь, пели и играли.
И провожали старый год.

Садился снег тесьмой густою.
И зимний лес в канве ветвей
Был, будто хижина отстроен,
Цемент крепче и белей.

И шёл январь на задних лапах,
Ерошил белым ветром снег,
Впадая в этот хлад с размаху,
Как будто в блуд и смертный грех...

Когда весне перечить лень
Кофейной непролазной грязи,
Заметь, как пребывает тень,
И ярок день, как ирис в вазе.

В нём настигнет брод в груди.

Союз писателей Москвы

Одoleвает крик на бpоде.
И только лужи позади
Легки, как март и половодье.

С пригорка тянется обвал
Снегов моих на пойму, в Сетунь.
И слог явившийся совпал
С началом таянья и света...

Свет стеклянный торопится в луг,
Словно некий небесный изгнанник.
И двулик мой февраль, и двурук,
И висит в пустоте над кустами.

Вот подует с отёкших небес,
Разметает прошедшее в клочья.
Лес пока от зимы не воскрес,
Да и сад просыпаться не хочет.

За широким разбегом строки
Кто-то в синем касается клавиш.
Впишешь в память движенье руки.
И движенье пространству оставишь.

И найдешь меж блуждающих строк,
Между медью погасшей и медью,
То, чем дышат заря и восток.
И купаются яблони в меди...

Снег на полях, снег в пустоте – везде.
А, впрочем, снег и поле – только слоги,
Которые с природою в родстве,
Но перед смыслом вечности – убоги.

Февраль несёт нам в пригоршне закат,
Наполнив им небесное корыто.
В нём ощущаешь куст в саду – горбат.
И дверь с порога в облако открыта.

И верно холод по ночам. – Ну, что ж?
За кем-то повторить: «Февраль несносен»
И постоять хотя б мгновенье, возле
Безумной мглы и шелеста порош...

На дачах пустынных забытые тени
Наставший сентябрь собирает в дорогу.
Небесною музыкой дышат сирени.
И музыка осенью – это от Бога.

Уже из бывшего калоши достали,
И возят соленья к машинам с вещами.
И ангел небесный прощается с нами,
Крылами касаясь кустов на прощанье..

В просёлок стремится шальная собака,
И около поймы пустеет, по слухам,
Посёлок за речкой из чёрного лака,
Зелёному ельнику, близкий по духу.

Союз писателей Москвы

Ещё золотые шары не погасли.
Но чернь затаилась во тьме стоголовой,
Отлавливать души с отвагой и страстью
Холодным, как вечность, силком птицелова...

Весенний снег был хрупок и болел.
Он будто спал в прохладе и цифири.
Но видно ангел этот снег жалел,
И делал всё, чтоб снег не погубили.

На том конце замёрзшей тишины,
Был воздух тих, как в лодке китолова.
И плыли елей синие челны
По этой тишине черноголовой.

И выносили красные шары,
Когда случайно с таяньем повздорив,
Вечерний свет над гривую горы,
Ещё был сер, но скоро стал лазорев...

Давай коснёмся облака рукой,
И полетим, над спящую рекою.
Над той строкою, где царит покой,
Но знаешь ты, что в небе нет покоя.

Над дачей тучи новые висят
И ближний лес, в латунь и медь одели.
И не заметишь, как погибнет сад,
Как хлад слетит к нам из иных материй.

Но вот проснешься, за окном – октябрь,
В том пении, что следует за этим,
Про медь забыв, про эту боль в локтях,
Про медь саму, и гулкий голос меди.

Чтоб ждать снега... Да будет этот снег! –
И тьма в снегу, и свет, упавший с крыши.
И этот звук во всю мою строку,
Для всех бывших, и тех, кто нынче пишет...

В саду движенье и сырца.
Куда ты скрылся, день-алхимик?
Уже по улицам пыльца
В заборы тычется слепые.

И тень моя, утёрши пот,
Как долгожданная тревога,
В пустынном доме настаёт,
Оставив прошлую дорогу.

А плеск на озере, как прядь.
И от вселенной нет отбоя.
И можно плакать и летать,
Как будто птица над водою...

Снег появлялся там и здесь,
Гремел впотьмах, и падал в воду.
И вот зима пришла, как смесь,
Порош с оконным переплётом.

Союз писателей Москвы

Сегодня, как и в том году,
Мы с нею шли на задних лапах,
У пустоты на поводу,
Белить восток и красить запад.

Туда, где слышен гул порта,
И это города предсердьё,
Где только ночь и пустота,
Которая и есть бессмертье.

И что нам снег? Я снег сотру.
Всё станет так, как ты просила.
И заиграют гимн утру,
Поскольку жизнь невыносима...

Снегами дом заваленный – тюрьма.
Отсюда не уйти и не уехать.
Возможно, только выдохнуть: «Зима!».
И тут же поперхнуться беглым эхом.

Пройдёт январь... Я стану жить один
В той горнице средь снежного разлива,
Где существо съедает никотин,
Но существо покуда невредимо.

Когда-нибудь, оставив круг затей,
И эту тень от комнатных растений,
Я выйду в день. И мне расскажет день
О свойствах света и природе тени.

И ничего, что всё ещё болит
Душа моя, что в синем – ветка тонет.
Ведь гений жив, хотя покуда спит,
В сырую вечность, вытянув ладони...

День уходил глухой и жалкий,
Из комнат гулких, с потолка,
Но в полумраке было жарко,
И жалко тень и облака.

Открыто было небо настезь,
В тот чёрный вытканый простор,
И кто-то шел из комнат дальше,
Минуя длинный коридор.

И всё смолкало, впав в немилость:
Сад, где сливались тень и мгла,
Где ветвь сосны в огне двоилась,
И с треском рушились дрова.

Но вот в иную ночь оформясь,
Во что-то синее, как соль,
Летала тень грядущих вольниц,
Среди бескормиц и неволь.

Звук пустоты, известный только мне,
Сентябрьский день качает на ладони,
И старый дом качается в волне,
И дом и сад, и все, кто в этом доме.

Нелепая, прекрасная пора,
Когда слова – почти неразбериха,
Когда октябрь, всего лишь слов игра.
Игра в слова, и можно сесть за книгу.

Союз писателей Москвы

О тех ночах, в которых тьма звенит,
И образ мира облаком заточен.
И так неточен, тот, который спит,
И что-то тихо про себя бормочет.

Я знаю, верно, тьма – забытый хлам,
Трясина слов и воздуха трясина.
И я встречаюсь, не поверив сам,
С душой живою возле магазина...

Весенние хлопоты – ивы да тополь,
И гром молодой, что гремит по оврагам,
По этим кибиткам, по пням, по берлогам,
И в омут небесный ворвётся с размаху!

И выслушав доводы грома и шума,
Гроза не от дерзости, просто от скуки,
Сбежит, на прощание ливень подсунув,
И в рощу за речкою вытянув руку.

И станет живущим легко от озона
В глухой пустоте перепрыгивать грани
В краях, где ещё так легко и просторно.
И темень пока не смеётся над нами.

В них всё переполнено лаской и светом.
И лес позабудет, что тень пробежала
По чёрному лаку, по свежему следу,
Скользнувшего в Лету начального жара.

Стремительный август овалы подправил,
У озера, где щебетанье и крики.
И строили утро из мрака, из капель,
Похожих на бисер и стройных, как никель.

Прошедшей эпохой селенье дымило,
И стружки дарило прошедшей эпохи.
И первая тень накрывала долину,
Развесив недолгого дождика строки.

Но было ещё на полянах пустынно,
Где, в тёмно-коричневом, лето кутило.
А ты забывала начало мотива,
И тень в необъятную даль отпустила.

А где-то на даче у тёти Тамары,
Твердили про осень и хлада затеи.
И чая отведав, печаль колдовала
На листьях осины о будущем снеге.

О чём-то ещё отдаленно бессрочном,
В котором забытое вряд ли помянут
Той влагой небесной на рамах обочин,
И новой строкой, что на небо протянут...

Луч спешит, не касаясь плеча,
Написать мою правую руку.
Только холодно мне от луча
И немного печально от звуков.

Союз писателей Москвы

Возле клёнов за домом моим
В окруженье ольшаников-карлиц,
Паутины на фоне земли,
И туманы, чуть выше на палец.

Август только затеял полёт.
И чернеют в фарфоровых гнездах,
Те, кто завтра с утра запоёт,
Из оврагов карабкаясь в воздух.

Сентябрь тень заденет на бегу,
И упадёт, и станет жить при свете,
С соцветьями, что где-то на лугу,
И просто так за лесом, без соцветий.

Неведомо когда мой день допьют,
Когда для пенья ближе сдвинут стулья,
Для тех, кто будто ангелы поют,
И заключили с прошлым мировую.

Напев бесстрастно слушает река,
И облака и этот свет над нами.
И пустота – не смерть души пока,
А лишь пролог к не наступившей драме.

Но скоро хлад, и, стало быть зима,
Не утонуть бы в небе от досады.
В ненастный час, когда приедет тьма
Гасить на дачах свечи из агата.

Второе письмо Натану

Ещё в природе благодать.
Ноябрьский день проходит шагом.
Хлад уберу. Начну писать
О всех, бродящих по оврагам.

Про эти пропуски, про дни,
Про тех, что в роще уцелели.
Они предвестники, они,
Они ровесники метели

Той, что промчится по верхам
Над этой пляской мелких бесов,
Врезаясь точно в плоскость рам,
И в эту крышу из железа.

Тогда почудится обрыв
Тех строчек, сосланных к перронам.
И ты услышишь, ночь открыв,
Как, в даль, уносятся вагоны.

Как в небе выстроят построй
В четыре, полные обхвата.
И мы утешимся зимой,
И снегом, что пойдёт над садом...

Эту улицу, слова длинней,
Обнимают толпою вечерней.
Скоро справят сочельник. – Скорей! –
Можно будет забыть про сочельник.

Союз писателей Москвы

Впрочем, слово – оно улетит
В те начала минувшего года,
Где вдоль дома позёмка пылит,
И рыдает у чёрного входа.

Где кустарник белёс, как испуг.
И на лестнице лёд не отколот,
Где пурга мастерит, как паук,
Снег, который окутает город.

Где тень твоя? – Она почти ушла
Писать весны не начатый сценарий,
Колесный скрип, оконный блеск стекла,
И каждый шаг на чёрном тротуаре.

И вот уже написан черновик.
И вечер выткан бесконечным слогом,
В сырой заре на переплётах книг
В осоках здесь и дальше за осокой.

И в пустоте, где только блеск и дёрн,
Где спят слова и тропы, как дерюга,
Уже клубятся рокоты валторн
На пире слов и возрожденья звука.

Писать про тьму и говорить про снег,
Про темноту, в которой плавать легче,
Не следует, поскольку день поверг
Ночную ткань, чтоб дать надежду певчим.

Я знал, что осень выбилась из сил,
Что только день, как вся листва опала.
И та страна, в которой я гостил,
В сырой туман и в пустоту сползала.

Хотя ещё витийствовал сверчок,
И размышляли вслух о непогоде,
О снеге том, который мы прочтём,
Как рукопись в седом небесном своде.
Но выяснялось, что воскреснет сад,
Что снегопад, лишь домысел и промах,
Что эту тень мою благословят
Вороньим криком на ветвях черёмух.

Уже листья давно разгребли.
И метель напевает вполсилы.
В чёрно-белом просёлки вдали,
И на рощу пролили белила.

Над землёю ноябрь занесён.
Пустота за калиткою стынет.
И в полях и в деревьях – во всём –
Сочетается белое, с синим.

Тень минувшего смотрит в окно,
В крепкий чай добавляют шалфея.
Не умею с пустым заодно,
И ловить пустоту – не умею.

Пока где-то поют за стеной,
И зачем-то торопится пенье,

Союз писателей Москвы

Слиться с этой наставшей зимой,
С этим домом, что мой на мгновенье...

Ещё печаль затеряна в лесу.
И леший осень переходит, вброд.
Меня просить спасти тех, кто поёт.
Пока не знаю как я их спасу.

С утра я слышал, что теперь Покров,
Что дождь и снег – всего лишь неба тень.
И лишь в латунь одетая сирень
Среди куртин осенних и ковров.

Тень так темна, как вол, как трубочист,
Как окаянный вымысел живых,
Когда с осины утекает лист
В пересечение тропок кочевых.

Ни кочерги, ни чёрта, ни любви.
Лишь только тракт безумен, и горласт.
И только путь, и только блик вдали.
Отдай мне даль! – Да кто ж её отдаст...

Гонцы весны не слышат – далеки.
А ветер смех разносит вдоль высот
Не дышащей волшебницы реки.
И, может, стихнет, если повезёт.

Там все леса в серебряном снегу.

Слеза лазури в гулких бочагах.
И угли носят утром к очагу,
Как-будто бы всё дело в очагах.

Но скоро станет хлад теплом прощён,
Волною слёз, как веткой по щеке.
И будет чёрным мой промокший чёлн
Хмелеть и киснуть в жёлтом тростнике.

И день пройдёт без паруса, без крыл,
Бездонный день – огромен и пунцов,
Чтоб гнать из стойла на поля кобыл
И польхаться железом и свинцом...

Конечно, осень мне – не мать,
И если вдуматься – чужбина.
Пытаюсь звук рукой поймать.
И слово вынуть из ложбины.

Октябрь под вечер мрак раздаст
И будут где-то за домами,
Греметь во тьме обрубки фраз,
И петь залётные цыгане.

Когда всё гуще, всё скорей
Начнут ночную вечность тратить
Недавно выпивший лакей
И заблудившийся бухгалтер.

Всё, повторяя за сверчком,
Как будто здесь не знали сами,
Как хорошо писать тайком,
И разговаривать стихами...

Союз писателей Москвы

Мне о былом и новом думать лень,
В сырую осень, вытянув ладони,
В глухих потёмках, где ночует тень
И тонет луч, и день сбежавший тонет.

Но пустота расплескана в дыму,
И брошена, во мрак, куда попало,
В средину поседевшего Урала,
Где можно просто слушать дождь и тьму.

Мне надоело осени служить.
Сад, отдышавшись, расставляет сети,
Ловить всех тех, чьё назначенье жить,
И тех, кто ждёт, кто слушает, кто едет...

В коричневом вечере омуты тонут.
И так далеко до пурги и белил.
Забуду того, кого годы не тронут,
Чтоб снова забыть тех, кого не забыл.

На лес уповая, на Божию милость,
Узнаю, что поезд от песен оглох.
И скроется облако, дождик просыпав,
На рощу за полем, на поле и лог.

Но собственно дождь и прохлада – не довод,
Чтоб рушить за дачей небесный сатин.
И пишут садовники лаком садовым
Железную повесть бугров и равнин.

Оставив прежние владенья,
Спешит долиною еловой,
Несносный май, как привиденье,
К зелёной даче птицелова.

И прилетают к нам не сразу,
Из дальней топи непролазной,
Обрывки звука или фразы,
И этой музыки соблазны.

И можно было бы перечить,
И дать всей нитке размотаться.
Но ты иным перстом помечен,
Ты – поле это и пространство.

Ты – лес, бредущий вниз, сквозь поросль,
Совсем, как в юности и детстве,
На спуске к речке ледниковой,
Звнящей ниже, по соседству...

Сад без снега. Вороны, как знать.
Всё забыть да уехать за снегом.
И со смехом дворы огибать,
Но сначала бы надо уехать.

За зелёный фронто́н, за фасад,
За надмирные синие воды.
Ноябрю рассказать про разлад
Дебрей леса с капризом природы.

Союз писателей Москвы

Оставляя знакомый надел,
Эти слоги, что утром короче,
Устремится в разлад и в пробел,
Между садом опавшим, и ночью.

В эти дачи, где тесно слезам,
И купаются в призрачном свете,
Те, кто складывал, те, кто писал,
И на миг был причастен к бессмертью...

Зелёное с белым июли раздали
Берёзовым веткам и струнам осоки.
И дачники бродят по лесу в сандалиях,
Читая малины созревшие строки.

Вдали остывает упавшее слово,
И тени висят на дверях бакалеен.
И тишь на аллеях моих двухголова:
Начнётся, проснётся, и вдруг, овдовеет.

Забыв про бочаги пустые, про кочки
Про тех, кто глаголом и звуками дышит,
Напишем пленительный профиль восточный
На яблонях ближних и в ворохе вишен.

И двинемся после грозы, после грома,
Тоску, попирая подошвой ботинок,
Из бури прошедшей, из ада погрома
Сквозь эхо в серебряный блеск паутины.

Сентябрь в лесу зелёное поверг,
И к старым дачам вытянул ладони.
Уже вверху предполагали снег
И эту гибель звуков и бегоний.

И знак зимы вливался в лес с трудом,
Осенний блеск брезгливо пересиял.
И незаметно, в белом и седом,
Октябрь, как будто хижину сносили.

И оставалось тень к садам пришить,
К столам без книг, и может быть, к забвенью.
И просто петь, предполагая жить,
Рассеяно, меж зимним и осенним.

Когда возможно просто убежать,
И затаиться в подлинном и мнимом,
В моём краю, где ничего не жаль,
И хочется любить, и быть любимым...

Вдали грохочут поезда.
Февраль с небесной сходит крыши.
И дышит пиршеством вода,
Сюда, пришедшая для пиршеств.

Да, только вот поёт беда.
И пустота звенит дремотно.
И входит в строки духота
Кипящих кухонь и ремонта.

Союз писателей Москвы

А снег, как смятая постель.
На нём длиннее наши тени.
И дует хладом из полей,
Таким колючим, как репейник.

И я уже в который раз
К воде испытывая зависть,
Пишу не вам, пишу про вас,
Про вас певуний и красавиц.

Ненастье развешано в небе
И пролито вниз на цветы,
На этот просёлок, на берег,
Такой же безумный, как ты.

Похоже, что всё так и было...
Дрожала прохлада стекла.
И дальняя туча грозила.
Но вечность пришла и спасла.

Мы сядем на поезд сиротский.
И сгинем от стачек и порч,
Туда где ни смысла, ни почты,
А только распадок и ночь.

Где, кажется, гложет указчик.
И осень касается шпал.
И явится дождь, но не раньше,
Чем ветер его написал.

С утра трубу и альт достанут.
И всё поняв до мелочей,
Развесят звуки на полянах,
И бросят в воздух и в ручей.

И век сыграв, уйдут не горбясь,
Как будто поезд, в круг зари,
Заткнув прошедшее за пояс,
Седые снобы и псаряи.

Когда моя земля в вуали
И осень тянется во мгле
По этим выгибам по стали.
И пахнет снегом на земле...

Сегодня за лесом, сегодня за садом,
Ты видишь, как белое в тени вмешалось.
И первой капли, устроив засаду,
Февраль наступил, и зима продолжалась.

Когда-нибудь зиму мы чёрным зачертим.
А если не мы - тот, кто нас не заметил.
Кто сети расставил в сияющем свете,
И прежде картавил, и нравился детям.

Поскольку хотел эту зиму пристроить.
И ждать до весны это эхо лесное,
На даче меж сосен под старой сосною,
Чтоб петь и смеяться, любить и злословить.

Союз писателей Москвы

И быть очарованным выгибом света,
Очерченным светом былинам и лицам.
Гармоникой пылкой, гулянием с пеньем.
И теми, кто в синих вагонах томится,
И в темени скроется через мгновенье.

Похоже зима, и зима на белила похожа.
И всё состоялось, что прежде нам тьма обещала.
Прохожих вдоль дачи, начало безумной пороши,
Да платье в горошек, и этой пороши начало.

Когда в жёлтой комнате тени легки и дремотны.
И можно устать от испуга заклеенных окон.
Но холодно веку в объятых деревьях холодных,
Закутанных в вечность, как новая бабочка, в кокон.

Синицы летают. И плавает сажа печная.
Синеет овраг, пробиваясь из тени в долину.
Где снег этот длинный, где синяя глина речная,
Где Божией милостью нас изваяют из глины...

Как хорошо, что можно тень допеть,
И закричать, чтоб миг тебя услышал,
Когда сентябрь уже рассыпал медь.
И пустота осенней песней дышит.

Сейчас неважно, что придёт потом,
Когда за лесом скроется дорога.
Когда ты вдруг покинешь этот дом,
Чтоб навсегда войти в пучину слога.

И одолеешь, раз преодолев,
В тягучем сне поступков и событий,
Ночную мглу, ночлег пустых деревьев,
И этой тьмы замёрзшую обитель.

Но как же воля чутка и свежа,
Как в сущности она несправедлива.
И, всё-таки, в ней теплится душа,
Пока земля не кончится обрывом...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О нашей библиотечке</i>	3
<i>Предисловие Кирилла Ковальджи</i>	4
<i>Библиография</i>	5
«Октябрь свои желтые крылья расправил...»	6
«Читать и думать нынче лень...»	6
«Зима, как призрак в мелодраме...»	7
«Когда весне перечить лень...»	9
«Свет стеклянный торопит в луг...»	8
«Снег на полях, снег в пустоте – везде...»	9
«На дачах пустынных – забытые тени...»	9
«Весенний снег был хрупок и болел...»	10
«Давай коснемся облака рукой...»	10
«В саду движенье и сырца...»	11
«Снег появлялся там и здесь...»	11
«Снегами дом заваленный - тюрьма...»	12
«День уходит – глухой и жалкий...»	13
«Звук пустоты, известный только мне...»	13
«Весенние хлопоты – ивы да тополь...»	14
«Стремительный август овалы подправил...»	15
«Луч спешит, не касаясь плеча...»	15
«Сентябрь тень заденет на бегу...»	16
«Еще в природе благодать...»	17
«Эту улицу, слова длинней...»	17
«Где тень твоя? – Она почти ушла...»	18
«Писать про тьму и говорить про снег...»	18
«Уже листья давно разгребли...»	19
«Еще печаль затеряна в лесу...»	20
«Гонцы весны не слышат – далеко...»	20
«Конечно, осень мне не мать...»	21

«Мне о былом и новом думать лень...»	22
«В коричневом вечере омуты тонут...»	22
«Оставив прежние владенья...»	23
«Сад без снега. Вороны, как знать...»	23
«Зеленое с белым июли раздали...»	24
«Сентябрь в лесу зеленое поверг...»	25
«Вдали грохочут поезда...»	25
«Ненастье развешано в небе...»	26
«С утра трубу и альт достанут...»	27
«Сегодня за лесом, сегодня за садом ...»	27
«Похоже, зима. И зима на белила похожа...»	28
«Как хорошо, что можно тень допить...»	28

Библиотечка поэзии СПМ

ЭДУАРД ГРАЧЁВ

МОНОЛОГ

Стихи

Издание Союза писателей Москвы

Выпускающий редактор

Л.М. Влодова

Верстка и дизайн макета

Л.М. Влодовой.